

Российская академия наук
Институт философии

ФИЛОСОФИЯ
ВО МНОЖЕСТВЕННОМ
ЧИСЛЕ

II

«Академический проект»
Москва, 2022

Абдусалам Абдулкеримович ГУСЕЙНОВ

*доктор философских наук, академик РАН,
научный руководитель Института философии РАН*



ВАДИМ МИХАЙЛОВИЧ МЕЖУЕВ

Вадим Михайлович Межуев: История против общества

Вадим Михайлович Межуев — один из последних советских марксистов. Он стал марксистом, так сказать, по факту рождения, по той основной причине, что тогда в советском обществе, в котором он родился, все были марксистами («Никто из моих сверстников, равно как и более старшего поколения, не мыслил себя в то время вне марксизма. Даже те, кто занимался историей философии, видели в марксизме вершину философской мысли»¹). Придя на философский факультет с общим намерением, которым руководствуются все, кто вступает в философию, независимо от того, идет ли речь о факультете или каких-то других формах приобщения к этой загадочной области духа, и независимо от тех или иных эмпирических поводов, дающих толчок такому решению, а именно с желанием разобраться в том, как устроена жизнь («Мне почему-то тогда казалось, что в философии можно найти ответы на самые главные вопросы жизни»²), он естественно решил сделать это в рамках марксистской философии и с ее помощью.

¹ Беседа с В.М. Межуевым // Вопросы философии. 2014. № 2. С. 30.

² Там же. С. 31.

Для этого надо было понять саму философию. Первая же появившаяся на факультете серьезная возможность сделать это, предложенная Э.В. Ильенковым, увлекла Межуева, тогда студента третьего курса. Он постиг ту истину, что основное орудие философского постижения мира — это научное мышление, разработка которого составляла основной предмет философии, чем она занималась на протяжении всей своей истории. У Ильенкова он научился двум вещам — дисциплине мыслить общими, но строгими понятиями и глубоким уважением к классической философии, прежде всего к Гегелю.

Его, однако, не удовлетворяло сведение философии к гносеологии. Тем самым, считал он, теряется то специфичное, действительно новое, что привносится Марксом и придает философии новое качество, в силу чего она уже едва ли может называться своим марксистским именем. Утрачивалось само ядро учения Маркса, выраженное в «Тезисах о Фейербахе», согласно которому действительность надо брать не в форме объекта, а субъективно, как человеческую чувственную деятельность и последнюю понимать как конкретную человеческую практику, а не сводить к труду и опредмечиванию деятельности. Маркс хотел спекуляции по поводу действительности заменить изучением самой действительности, философию истории — историей как наукой. Этот взгляд захватил Межуева еще студентом, о чем он, уже подводя итоги своей творческой жизни в 2014 году, скажет: «На четвертом курсе написал статью, в которой доказывал (я и сейчас могу под этим подписаться), что материалистическое понимание истории никакого отношения к философии не имеет. Исторический материализм был создан Марксом с целью покончить с философией истории, перевести изучение истории в строго научное русло. Это примерно, как теория Дарвина в биологии»¹.

Так было положено начало особой, единственной в своем роде, версии марксизма, претендующей на его аутентичное толкование, представленной в трудах В.М. Межуева. Свою первую статью на эту тему он опубликовал в рукописном жур-

¹ Мы — антимодернисты. О философии Вадим Межуев // URL: <http://www.russ.ru/Mirovaya-povestka/My-antimodernisty>

нале студенческого общества. Уже она стала помехой в его биографии, отодвинув на шесть лет возможность заниматься исследовательской работой (поступить в аспирантуру).

Примечательно: самостоятельная работа над развитием (интерпретацией, конкретизацией, осмыслением, уточнением и т. п.) марксистской теории в обществе, где эта теория имела статус государственной идеологии, не только не поощрялась, но сопровождалась дополнительными трудностями. Здесь под подозрением оказывалось не только содержание того, о чем идет речь, но и сам факт того, что человек исследует это с претензией на самостоятельное суждение — самостоятельное суждение именно в понимании марксистской философии. Философия диалектического и исторического материализма считалась мировоззрением коммунистической партии, из чего делался вывод, что она является партийным делом. Марксизм, выступавший от имени науки, сам был выведен из-под научной критики. Попытки развития учения классиков марксизма по традиции, идущей от Ленина, считались ревизионизмом, расценивались общественным сознанием как отступление, ошибка, преступление. Как ни парадоксально, но вести серьезную исследовательскую работу, оставаясь внутри марксизма, в рамках его логики и принимая его в качестве личного убеждения, было трудней и опасней, чем заниматься другими, сравнительно далекими от социальной повседневности академическими темами. Можно было рассматривать разные философские и научные проблемы с точки зрения марксистской философии или, как говорится, под ее шапкой, но исследовать саму эту философию, ставя под вопрос, развивая, уточняя отдельные ее положения, уже считалось крамолой.

Межуев подавал свои идеи как точное воспроизведение взглядов Маркса с обильным цитированием его текстов и опорой на его обобщающие формулы. Это позволяло ему работать в легальном поле советской философии на том ее полуофициальном этаже, который занимали философы-шестидесятники, одним из ярких представителей которых он был. И это же позволило ему сохранить свою цельность человека и ученого в новых условиях послесоветской России, которая оказалась

по отношению к марксизму столь же враждебной, сколь рабочей она старалась быть в советские годы. «Маркс против марксизма»¹ — так назывался один из сборников статей Межуева. Это название охватывает пафос всего творчества Межуева: он предлагает свой взгляд на учение Маркса, делая упор не на том, что это — *его* взгляд, а на том, что это — учение *Маркса*. Он вступает в полемику с промарксистскими и антимарксистскими оппонентами, не прикрываясь Марксом и не «оправдывая», тем более не извиняя его, а принимая на себя все направленные на него удары. Он берет на себя ответственность за Маркса.

Вадим Михайлович был мастером как письменного, так и устного слова. Его статьи и книги отличаются ясным слогом и строгостью мысли, написанные в разное время и по разным случаям, они производят впечатление удивительной цельности, как если бы во всех них речь шла об одном и том же. Еще больше такое впечатление оставляли его публичные выступления, непревзойденным мастером которых он был. Его доклады всегда были об одном и том же и в то же время совершенно неожиданными. Он практически всегда говорил о том, о чем на самом деле действительно писал и думал Маркс, и каждый раз говорил так, как если бы мы только сейчас, в данной аудитории от него узнавали об этом. Свои теоретические суждения он оформлял так, как если бы он впервые и по секрету, доверительно, делился с аудиторией некой, ставшей ему известной новостью. Конечно, здесь определенную роль играли его артистические способности и некоторый (впрочем, самый незначительный) набор используемых им риторических приемов. Магия его речи, привораживающая не только новую аудиторию, которая слышала его в первый раз, но и его коллег, перед которыми он выступал регулярно и разговаривать с которыми он никогда не уставал, состояла в другом — во внутреннем строе его речи. А его устная речь действительно завораживала: я знаю коллег и сам принадлежу к ним, которые могли ходить на его выступления, как ходят на любимого

¹ Межуев В. М. Маркс против марксизма. Статьи на непопулярную тему. М.: Культурная революция, 2007.

тенора. Бывают философы, лекции которых привлекают своей загадочностью (сложностью формулировок, непонятностью слов и т. п.), Межуев, напротив, привлекал ясностью речи, оставаясь в пределах слов и терминов, которыми постоянно пользуется широкое образованное общество.

Кандидатская диссертация Межуева была посвящена теме «Марксистский историзм и понятие культуры», его докторская диссертация — практически о том же: «Теория культуры в историческом материализме». Между ними прошло более 10 лет, но создается впечатление, что его мысль движется вокруг одних и тех же понятий. Если к ним добавить понятия философии, свободы, гуманизма, идеологии, цивилизации, России и Европы, труда, капитализма и коммунизма, которым посвящены многочисленные труды Межуева (его книги, статьи, лекции, доклады, выступления, интервью), то мы получим почти полное представление о его интеллектуальной вселенной. Эти понятия, словно планеты вокруг Солнца, располагаются в его мировоззрении вокруг Марксовой идеи коммунизма, как вокруг своего центра. Поэтому о чем бы ни писал Межуев и для того, чтобы понять реальный жизненный смысл того, о чем он пишет, надо учитывать, что он всегда имел в виду коммунизм как тот надежный ориентир, который дает людям современная общественная наука, или, что одно и то же, современная философия, ставшая практикой, историческим материализмом. Как все дороги вели в Рим, так и все размышления Межуева вели к Марксу. Хотя Рим один, в оптике разных дорог возникают разные его образы. Точно так же разные размышления в зависимости от того, какое понятие является их основой, позволяли и требовали от Межуева раскрывать разные грани учения Маркса. Предлагаемая статья «Идея всемирной истории в учении Карла Маркса» является наиболее компактным и целостным изложением того нового, что, с его точки зрения, внес Маркс в понимание общества и человека и что он сам внес в нашу философию.

Не имеет смысла излагать эту работу: она является определенной и ясной в своих основных утверждениях, логически хорошо продуманной и структурно выстроенной. Ее парагра-

фы являются абстрактными ступенями восхождения к конкретному единству всего учения:

1) Маркс был ученым, который познает реальную историю людей как она складывается в действительности, чего не могут сделать ни историки, описывающие ее разрозненные факты, ни философы, сводящие ее к истории идей, религий, культуры, государств;

2) действительная жизнь людей есть их способ производства, в ходе которого они производят нужные для жизни продукты и одновременно необходимые для этого общественные отношения, их бытие существует только как общественное бытие, которое создается самими людьми;

3) однако на определенном этапе то, что создано ими, оказывается отчуждено от них, и люди попадают в подневольное угнетенное состояние, отчуждение разрослось и, захватив все аспекты жизни людей, приобрело форму капиталистического общества (= экономической формации), производительные возможности которого столь же колоссальны, сколь бесчеловечны его общественные отношения;

4) общественно-экономическая формация представляет собой конкретное состояние общества, имеющее свои предпосылки в прошлом и заключающее предпосылки будущего, научный (объективный) подход к ней может быть только историческим, т. е. иметь форму научной критики;

5) если предшествующие общественные отношения имели форму неразвитых личных отношений, буржуазные отношения представляют собой сочетание личной независимости (существования людей в форме частных индивидов) с вещной зависимостью от других, то третья, следующая за ними постбуржуазная (постэкономическая) ступень, исходя из объективной логики развития общественного бытия, будет свободной индивидуальностью, основанной на универсальном развитии индивидов;

6) такая перспектива может реализоваться по ту сторону экономической необходимости и в таком обществе, базисом которого будет не рабочее, а свободное время. В том, чтобы обосновать необходимость индивидуальной свободы и уни-

версального развития каждого как выражения хода общественного бытия и его перехода от предыстории к подлинной истории, и состоит идея коммунизма.

В этой работе В. М. Межуев наиболее развернуто и определенно высказывает идею, которая имеет существенное значение для понимания оригинальности его теоретической позиции и, что не менее важно, личных убеждений и общественной позиции. Ее можно сформулировать так: история против общества. Сам Межуев выражается более осторожно, назвав один из параграфов «История и общество: единство или противоположность?». Такая диалектическая формула вполне уместна в оптике всемирной истории, но если иметь в виду коммунистическую перспективу, которая прежде всего интересует Вадима Михайловича, и учитывать, как он ее интерпретирует, то акцент на противоположности, с моей точки зрения, хотя и резко, но тем не менее более точно и проблемно выражает позицию Межуева.

В историческом материализме как философии Маркса содержательную нагрузку несет не только понятие материализма, отождествляющее бытие человека с общественным бытием, но и понятие исторического, рассматривающего это бытие как бытие в истории. История — не хронология, не внешнее обозначение дат начала и конца событий, не память о прошлом и не образы будущего, она представляет собой сам способ существования людей. История — не то, куда вступает, входит человек, и не то, что налагается на его бытие, она вообще не существует где-то отдельно от человека. История имманентна общественному бытию, она есть то, что создается в процессе деятельности общественных индивидов. Прошлое и будущее не находятся за пределами общественного бытия, а входят в него в качестве необходимых моментов, придающих ему характер закономерного процесса. Словом, мало сказать, что человек есть общественное существо и приобретает субъектность в обществе и представляя общество (выступая от его имени, соотносясь в своей деятельности с ним, живя в нем, говоря на его языке, обучаясь его знаниям и т. д.), следует добавить, что он есть историческое существо, своим бытием он

развивает, производит самого себя. Как пишет Межуев, онтология Маркса — это онтология незавершенного, не сложившегося до конца, т. е. развивающегося общественного бытия.

Говоря в терминах домарксовской философии, пользуясь языком естественно-научного материализма, человек живет не только в пространстве, но и во времени. Говоря в терминах практического материализма, человек живет не только в природе, но и в истории. Известное высказывание Маркса и Энгельса из «Немецкой идеологии» о том, что они признают в качестве науки только историческую науку, хотя она и была вычеркнута из последующих редакций рукописи, Межуев находит принципиальным для понимания мысли Маркса. Хотя природное начало человека (его телесность с категоричностью ее насущных потребностей), как и деятельная связь с природой (труд), являются исходными предпосылками истории, они суть только ее предпосылки, только начало. В процессе общественного бытия они отчасти и сами претерпевают изменения (степень глубины которых, впрочем, еще неизвестна), но, самое главное, становятся его результатами, сами включаются в исторический процесс, притом до такой степени, что, например, девственной природы, какой она была до человека, уже не существует. Историчность — не одна из характеристик общественного бытия, а его фундаментальный внутренне организующий принцип, который задает (объективно, в силу своей логики) смысл существования человека. Когда употребляют выражение «смысл истории», то обычно имеют в виду ее цель, некое конечное состояние, идеал, к которому она идет. Оно сопряжено с представлением, что история имеет начало и конец. В данном случае, однако, речь идет о принципиально другой постановке вопроса.

Категории истории и времени не тождественны, но они связаны; оставляя в стороне этот большой вопрос, задумаемся вслед за Межуевым над привычным выражением, что историческое время имеет начало и имеет конец. Означает ли оно, что наше бытие в качестве общественных индивидов также ограничено временем, подобно тому как наше физическое существование — рождением и смертью? Если так, то задача

(смысл) общественного бытия состояла бы в том, чтобы вырваться из тисков истории, выпасть из нее или ей самой положить конец. Это было бы подобно попыткам старых философов, которые, как, например, Платон, брэнному миру противопоставил вечный мир идей. Но это явно противоречит учению Маркса, который развернул философию от созерцания к практике. Историзм Маркса не мог ставить задачу выйти из истории, это невозможно в силу историчности общественного бытия. Для него не существовало вопроса, как освободиться от истории, выскочить из нее, как обрести бессмертие за ее пределами. Он отвечал на другой вопрос: как жить в истории и что значит жить в истории. Тем самым старый вопрос о человеческом бессмертии, который был основным незримым или явным стержнем всех философских поисков, приобретает совершенно новый вид: человек как природная величина остается смертным существом, и речь может идти только об историческом (родовом) бессмертии.

Именно в ответ на вопрос о том, как жить в истории, Маркс сделал свой научный вывод о коммунизме как таком будущем, которое вырастает из противоречий капиталистической общественно-экономической формации и придет ей на смену. Ключевой формулой по этому вопросу, на которую в своих выводах опирается Межуев, является следующее широко известное утверждение из «Немецкой идеологии»: «Коммунизм для нас — не *состояние*, которое должно быть установлено, не *идеал*, с которым должна соотноситься действительность, а *действительное* движение, которое уничтожает теперешнее состояние»¹. Раскрывая и комментируя это положение, Межуев подчеркивает: коммунизм есть не просто то, что приходит (придет) *после* (своего рода постстадия по отношению к настоящему во всех его существенных характеристиках: посткапиталистическая, постэкономическая и постформационная стадия), а то, что придет *вместо*, уничтожив теперешнее состояние.

Особо тщательное исследование он провел, доказывая, что коммунизм не является новой формацией, тем более эконо-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Соч. Т. 3. С. 34.

мической. По его мнению, формационное деление не является общим законом развития человечества, а выделение пятичленной схемы истории, которая якобы от первобытного строя через рабовладение, феодализм и капитализм закономерно движется к коммунизму, представляет собой яркий пример догматического искажения живой мысли Маркса. В реальной истории, как показывают исследования Маркса после первого тома «Капитала» («позднего Маркса» по терминологии Межуева), можно выделить лишь первичную (первобытное общество и азиатский способ производства) и вторичную (буржуазно-экономическую) формации, при этом последняя была единственной в своем роде формой западного общества. Нет никаких оснований утверждать, что коммунизм, возникающий вместо вторичной (общественно-экономической) формации и в результате ее уничтожения, тоже будет обязательно формацией, скорее, он обязательно будет неформацией. Во всяком случае, Маркс не постулирует его в качестве структурированного общественного организма, воспроизводящего, пусть и в ином, обновленном виде, наши привычные, заимствованные из прошлого представления об обществе. Коммунизм, рассмотренный в качестве доказательного вывода марксистской науки, имеет только негативное содержание. О нем достоверно можно сказать только то, чем он не является. В позитивных характеристиках идея коммунизма Маркс ограничивается утверждениями от противного, такими как свободная индивидуальность, практический гуманизм, подлинная история.

В одном из интервью («Русскому журналу» от 19 декабря 2008 года) Межуев высказался так: «Коммунизм, согласно Марксу, это не общество»¹. И основную заботу, связанную с учением Маркса о коммунизме, сформулировал более развернуто: «Как жить в истории, а не в обществе?» История является способом существования общественного человека и как таковая противостоит обществу. Согласно удачной метафоре, которой пользуется Межуев, история — это несущаяся

река, а общество — это перекрывающая ее плотина для разных хозяйственных целей. Открытый Марксом историзм как научный метод исследует, как пользоваться животворной рекой, не перекрывая ее хода: «Маркс — критик не только капиталистического, но любого общества, коль скоро оно стремится задержать на себе поток истории, становится преградой, своеобразной плотиной на ее пути, стремится прекратить бег времени. Во все предшествующие эпохи общество, условно говоря, было пожирателем времени: каждое из них пыталось остановить, задержать историю на себе, считало себя последним в истории. И нужны были огромные усилия, вплоть до революционных, чтобы из одного общества прорваться в другое. Но может ли общество быть по отношению к истории не наглухо перегораживающей ее плотиной, а открытым шлюзом, позволяющим ей течь в нужном направлении?»¹

По сути дела, научность исторического подхода Маркса к коммунизму Межуев видит в том, что он, коммунизм, не может никогда состояться в качестве общества, он может начаться, и то не как единовременный акт, а как процесс уничтожения капитализма, но не может завершиться в качестве некоего устоявшегося целого. Думать иначе, по его мнению, означало бы вернуться к раннеевропейским утопиям, рисовавшим коммунизм как законченную картину жизни счастливых людей в неведомом месте. Это была его академическая и одновременно социальная позиция. «Я всегда был немного социально озабоченным», — говорил он о себе в одном из автобиографических откровений. По его мнению, основная ошибка идеологии сталинизма, которая повлекла за собой и его репрессивную политику, состояла в отождествлении социалистической идеи с реальностью, в утверждении (теоретическом, политическом, правовом, массово-пропагандистском закреплении) того, что в советской стране конца тридцатых годов прошлого века уже построено социалистическое общество. Нетрудно заметить, что такой взгляд прямо противоположен точке зрения Александра Александровича Зиновьева, согласно которому

¹ Мы — антимодернисты. О философии Вадим Межуев.

¹ Межуев В. М. Идея всемирной истории в учении Карла Маркса // Логос. 2011. № 2. С. 17.

тот социализм, который был построен в СССР, и есть реальный коммунизм, и другим он не может быть. При этом, разумеется, Зиновьев также признавал в качестве существенного факта, что этот состоявшийся реальный коммунизм противоречит высоким коммунистическим идеалам, из которых исходили классики марксизма-ленинизма и которые в советском обществе провозглашались. Этот факт и для него был основанием научной критики существующего советского общества.

И Межуев, и Зиновьев исходят из одной и той же констатации принципиального расхождения коммунистического учения (идеи) и апеллирующей к нему реальности конкретного общества, но делают из этого они разные (диаметрально противоположные) выводы, которые каждый из них считает научными. Первый считает, что это правильное учение было извращено (искажено) в процессе реализации. Второй считает, что для понимания того феномена, о котором идет речь (коммунизма), надо исходить из реальности, а не учения. Очевидно, что они по-разному понимают критерии научности: для первого они коренятся в диалектической философии, для второго — в логике и эмпирической достоверности. В то же время мы по их творчествам и биографиям знаем, что ими движет одна и та же озабоченность гуманистическими ценностями. Одна и та же общественная ситуация, получившая различные объяснения в умах двух наших коллег, одинаково отозвалась в их сердцах. Зиновьев, считавший невозможным воплощение коммунистического гуманизма в социальной реальности, признавал его реальность в качестве программы индивидуальной человеческой жизни; его человеческую позицию можно сформулировать так: да, законы социальности являются законами экзистенциального эгоизма, но кто сказал, что я, Зиновьев, обязан следовать им и что я не могу быть идеальным коммунистом?! Межуев, интерпретировавший коммунизм как чистый историзм, отрицающий любую социальную реальность, приходит к выводу, что само это отрицание становится единственной реальностью; его человеческую позицию можно сформулировать так: научный метод историзма рассматривает коммунизм как взгляд в будущее и не позволяет любые

реально существующие общества считать коммунистическими, но кто запрещает мне смотреть на вещи с точки зрения будущего?!

По мнению Межуева, коммунизм является будущим не просто потому, что он вынесен по времени вперед, а потому, что он представляет собой уничтожение предисторического состояния, кульминацией которого является капиталистическая экономическая формация. Достоверно мы о нем знаем только то, чем он не является, а в позитивном смысле мы ничего сказать не можем, кроме того, что он есть бытие в истории, представляет собой «совершающийся в истории процесс производства людьми своих сил и отношений, получающий лишь форму их сознательной и свободной деятельности. Ничего другого помимо свободного и сознательного участия людей в этом производстве коммунизм не предлагает»¹. Этого достаточно для того, чтобы поддерживать критический взгляд на общественную жизнь с точки зрения такого будущего, ибо трудно себе представить думающего человека, который не согласился бы считать «свободную и сознательную деятельность» наилучшей формой существования для себя. Но не является ли коммунистическая формула сознательной и свободной деятельности слишком общей и абстрактной, чтобы можно было считать ее научной? Если даже признать, что она правильно выражает субъективный настрой жизни в истории, то каковым должно быть соответствующее этому объективное производство жизни? И речь идет не только о материальном (предметном) содержании деятельности — об этом можно найти что-то определенное в трудах Межуева, в частности, что это будут такие виды деятельности, которые возникают на базисе свободного времени и которые, в принципе, недоступны человеку, действующему в качестве частного индивида (наука, культура, так называемые разнообразные свободные занятия). Остается, однако, в стороне вопрос о том, как свободные занятия могут быть организованы в масштабе общества. Ведь способ производства, основанный на свободном времени,

¹ Межуев В. М. Идея всемирной истории в учении Карла Маркса. С. 18.

задает свой базис отношений между людьми, стягивая их в общественное (социальное) целое. Необходимо задуматься, могут ли, и если да, то каким образом, быть (жить, существовать, сотрудничать), просто быть вместе (в качестве одного целостного социума) много индивидов (пусть в высшей степени разумных, сознательных и свободных, но именно, много) без того, чтобы они не вступали в иерархические отношения, в которых люди управляют людьми. Основоположники научного коммунизма одну из его отличительных черт видели в том, что при коммунизме люди управляют вещами вместо того, чтобы управлять людьми. А как организовать совместную кооперативную деятельность людей (пусть даже это будет вполне свободная и рационально выверенная деятельность по управлению вещами) без того, чтобы они вступили между собой в такие отношения командования и подчинения, которые диктуются просто тем, что их много? Это не является возражением тезису Вадима Михайловича Межуева, что жить в истории — нечто иное, чем жить в обществе, и в этом смысле исторический материализм — это вовсе не теория общества, не социология. Но тем не менее имеет ли бытие в истории также и свою социологию? Высказанное замечание, как мне кажется, обозначает направление, в котором его тезис необходимо развивать.

Вадим Михайлович МЕЖУЕВ

*доктор философских наук, профессор
17 декабря 1933 (Москва) — 9 апреля
2019 (Москва)*

Идея всемирной истории в учении Карла Маркса¹

Как бы ни оценивать время жизни и деятельности Маркса, оно, несомненно, осознавалось им и его современниками под знаком не вечности, а исторической конечности. XIX век, по словам Мишеля Фуко, был «веком Истории». В этот век историческое время с его текучестью и подвижностью окончательно вытеснило из теоретического сознания всякую отсылку к вечным сущностям и субстанциям в их религиозном и метафизическом истолковании. Все трансцендентное утратило свою силу. История стала мыслиться не как чисто внешняя — хронологическая — последовательность вещей и событий, а как способ их бытия, диктующий свои законы труду, жизни, языку. Если XVIII век мыслил мир как «порядок тождеств и различий», то XIX век уподобил его «порядку времени», позволяющему методом аналогий сравнивать и сопоставлять между собой по-разному организованные миры. «Для мысли XVIII в. временные последовательности были лишь внешним признаком, лишь нечетким проявлением порядка вещей. Начиная с XIX в. они выражают — с большей или меньшей прямоотой, вплоть до разрывов — собственный глубоко исторический способ бытия вещей и людей»².

¹ Текст публикуется по: Межуев В. М. Идея всемирной истории в учении Карла Маркса // Логос. № 2. 2011. С. 1–36.

² Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. М., 1977. С. 362.